виями. Историческая картина предстает в сильном искажении, однако Эмина, как и в предыдущих таких же случаях, это ничуть не смущало, тем более что принадлежащие ему слова о сгоревшей «половине крышки» французского дома опять допускали двойственное — ретроспективное и современное — понимание. Применительно к XVI в. они могли значить убийство 1 августа 1589 г. бездетного французского короля Генриха III и с ним прекращение царствующей династии Валуа с переходом трона к Бурбонам (1594); в контексте Семилетней войны их можно было принимать за намек на потерю Францией ее владений в Северной Америке и Индии (правда, для такого их толкования нужно было отрешиться от того, что несколькими строками выше захватившие эти колонии англичане были представлены радетелями в тушении пожара).

Заключительное в приведенной цитате предложение касательно генерала Ботты, добавленное романистом к тексту Боккалини, окончательно связывает весь заимствованный у итальянского писателя фрагмент с современностью, более того — с вероятными годами пребывания в Италии самого Эмина, и сделано это, как уже не раз отмечалось в других местах, с грубым нарушением исторических реалий. Итальянец по происхождению, генерал и государственный деятель на австрийской службе, произведенный за свои военные заслуги фельдмаршалом, маркиз Антоньетто Ботта д'Адорно (Botta d'Adorno, ок. 1688—1774), бывший одно время послом в России,[11] принимал участие в войне с франко-испанской коалицией, к которой в 1745 г. примкнула Генуя. Австрийцы взяли город 6 сентября 1746 г., и на следующий день Ботта был назначен его правителем, но 5 декабря вспыхнуло восстание и, понеся в решающем сражении 10 числа того же месяца огромные потери, австрийская армия была вынуждена отступить. Эти события были в момент выхода романа еще свежи в памяти людей и, конечно, легко ими узнавались в рассказе Феридата; допущенные «вольности» могли вызвать по меньшей мере недоумение, но, вероятно, прощались как допустимые в сочинениях подобного рода выдумки.

Из Флоренции Феридат попадает в Неаполь, «столичный город королевств Сицилийских» (НФ 2, 220), который и в нравственном, и в политическом отношениях производит на него жалкое впечатление. Говоря о втором, Эмин снова находит подходящий для себя фрагмент в том же памфлете Боккалини, а именно в первой его главке «Почему испанцы необычайно угнетают и мучают

---

[11] Его имя неоднократно упоминалось русской официальной печатью в 1738—1744 гг. См.: Газета «Санктпетербургские ведомости»: Указатели к содержанию, 1736—1740 гг. Л., 1990; 1741—1745 гг. Л., 1991 (по указ.).